ИВЕРСКИЙ ЛИСТОК

По благословению
митрополита Нижегородского
и Арзамасского Георгия

№ 7 (72)
июль 2014 г.

Издание Иверского женского монастыря г.Выкса, Выксунская и Павловская епархия

♦ 19 июля - Собор Радонежских святых

Прозорливость иеромонаха Варнавы

Память старца – основателя Выксунского Иверского женского монастыря совершается 2 марта – в день его преставления и 19 июля – в Соборе Радонежских святых. Поэтому в этом июльском номере "Иверского листка" мы предлагаем нашим читателям отрывок из книги архимандрита Георгия (Тертышникова) "Преподобный Варнава, старец Гефсиманского скита".

Живая вера в Бога, глубокое самопознание, ум, просветленный Божией благодатью, опытность, приобретенная долговременным навыком общения с людьми всех возрастов, званий и состояний, – все это сообщало живому слову старца Варнавы силу, убедительность, проникновенность, часто прямое прозрение неизвестного прошедшего, настоящего и будущего из жизни собеседника.

Многим угодникам Божиим был свойствен дух прозорливости. Имел этот дар и отец Варнава. Приведем некоторые свидетельства об этом его даре.

За год до кончины строителя Черниговского скита игумена Мефодия к нему пришел по одному делу скитский иеродиакон Н. и застал его плачущим.

— Что с вами, батюшка? Почему Вы плачете?

— Плачу потому, что мне осталось жить на этом свете только один год.

— Как так? – удивленно спросил Н.

— Да так: иеромонах Варнава это предсказал…

Предсказанию его я раньше мало придавал значения, но когда оно сбылось на игумене Иларии (2 октября 1912 г.), я поверил, что оно сбудется и на мне. Предсказал же нам старец о нашем игуменстве и затем о нашей смерти давно, еще при жизни игумена Даниила (20 февраля 1902 г.), когда отец Иларий был казначеем, а я проходил послушание в «Пещерах». Было это так. Однажды пришли мы к отцу Варнаве в келлию. Старец посадил нас возле себя и начал с нами беседовать. В этой беседе он, хлопнув рукой по плечу отца Илария, сказал:

— Будешь игуменом!. Десять лет. И ты будешь – три года, – обратясь взором ко мне, произнес он.

Так как это предсказание отец Варнава произносил как-то в шутливом тоне, то и мы ответили на него тоже шутками, впрочем, исчисление старцем лет нашего игуменствования заставило нас призадуматься, особенно когда мы вышли из его келлии…

Но вот отец Иларий, согласно предсказанию отца Варнавы, умер, действительно, после десятилетнего пребывания его строителем скита. Теперь, значит, очередь за мною…

И что же? Отец Мефодий, о котором никто и не думал, что он скоро умрет, в декабре 1915 года заболел, а 15 марта следующего года скончался, пробыв, по предсказанию отца Варнавы, скитоначальником три года.

Когда послушник Захария (будущий старец Троице-Сергиевой Лавры схиархимандрит Захария) прибыл из Белых Берегов паломником в Гефсиманский скит, где жил иеромонах Варнава, он увидел массу народу, все столпились, хотят видеть старца Варнаву, а пройти к нему нет возможности. Но вот отец Варнава вышел и, обратясь к толпе, сказал: «Где тут лаврский монах? Иди-ка сюда». Никто не откликался на зов, так как в толпе не было лаврских монахов. Старец сошел по лесенке вниз и говорит: «Дайте, дайте пройти лаврскому монаху». Подошел к юному послушнику, взял Захарию за руку, ласково говоря: «Ну иди, иди в мою келлию». «Я не лаврский монах, я из Белых Берегов», – возразил Захария. – «Ну я знаю, что ты там жил, а теперь будешь жить в Лавре и будешь лаврским монахом». Введя в свою келлию обрадованного Захарию, старец благословил его и сказал: «Ты живи у Преподобного Сергия и ко мне будешь в Гефсиманский скит приходить». «А вдруг да меня не примут здесь?» – сказал Захария. – «Примут! Иди к лаврским воротам, там тебя уже три начальника дожидаются». После приема у старца Захария пошел в Лавру, и, действительно, у ворот стояли игумен и два монастырских начальника. Захария попросил их принять его на жительство в Лавру. Они охотно приняли его, и Захария стал лаврским монахом.

Миссионер Нижегородской епархии священник Владимир Орлов сообщает об одном событии из своей жизни, свидетельствующем о прозорливости иеромонаха Варнавы.

«Более 15 лет тому назад, когда я служил всенощную в монастырском соборе (отец Владимир был священником Иверского монастыря) вместе со старцем Варнавою, он мне сказал: «Вот, сынок, тот человек святой, который отслужит литургию, причастится и тут же в алтаре пред престолом Божиим помрет». Я тогда не понял значения этих слов, а когда последовала блаженная кончина сего святого старца, именно когда он предал свою праведную душу в руце Божии, склонив к престолу свою голову и держа в руке крест Христов, я уразумел значение этих вышеизложенных его ко мне слов, коими он так задолго предрекал свою кончину».

О прозорливости иеромонаха Варнавы свидетельствуют еще два случая, сообщаемые тем же священником Владимиром Орловым. «Часто посещая Москву по должности миссионера, я нередко останавливался в квартире священника-академика Павла Ивановича Дробова (на Грачах). Батюшка – религиозный человек и мой задушевный друг, но он не вполне

признавал достоинства иеромонаха Варнавы. В минувшую Пасху (1907 г.) я был в Москве и вновь, по обычаю, посетил отца Павла. Он со слезами на глазах рассказывал мне следующий случай о даре предвидения будущих событий блаженного старца Варнавы. «Во время минувшей японской войны в его приходе «Никола на Грачах» жило одно семейство запасного рядового солдата, которого назначили на вторичную службу в Маньчжурию. Жена его убивалась, день и ночь плакала о том, что ее кормильца возьмут на войну, убьют. Что она будет делать с кучею детей – 7 человек?! И вот в такой беде пришла она однажды к отцу Павлу, прося сообщить ей, когда приедет отец Варнава в контору купца Ивана Федоровича Рубцова. В скором времени отцу Павлу пришлось быть свидетелем следующего разговора отца Варнавы с этой женщиной. Последняя, услыхав, что иеромонах Варнава в конторе у Рубцовых, с горькими слезами вошла туда же. Но прежде чем она от слез могла сказать что-либо, отец Варнава сказал ей: «Ну, что, неразумная, плачешь! Твоего мужа не возьмут в солдаты. Но лучше бы тебе было, если бы его взяли, да на твое горе его не возьмут. А ты родишь сына, назови его Серафимом, он будет монах от чрева матери». И, действительно, ее мужа в солдаты не взяли, а женщина, по словам отца Павла, родила младенца (скопца от чрева матери) величиною с двухгодовалого ребенка и без болезни. Отец Павел его крестил и назвал Серафимом. А муж несчастной этой женщины стал пить вино, бросил жену·и детей, много раз терзал·их без милосердия, завел себе незаконную жену, так что от горя эта несчастная женщина неоднократно покушалась на самоубийство».

А вот что произошло с одной знакомой отца Владимира – немолодой уже девушкой, имевшей чистое сердце, но одно время несколько своеобразно веровавшей и хотя остававшейся в тесном общении с Матерью-Церковью, но не любившей ни монастырей, ни монахов. Татьяна Егоровна – так звали эту особу – жила в Москве, у храма Христа Спасителя. По профессии она была акушерка, имела очень хорошую практику в богатых московских домах, но вечно нуждалась, потому что на свой довольно значительный заработок она всегда смотрела как на достояние всех неимущих. «Под впечатлением моей встречи с батюшкой, – вспоминает отец Владимир, – я завел с Татьяной Егоровной речь и о нем и спросил ее, знает ли она его».

— Знаю, – был ответ, – не только знаю, но почитаю в нем Божьего угодника-прозорливца. Он разбил все мои мудрования о монастырях и о монашествующих и уверил собою, что и в наше время есть еще святые на нашей грешной земле. Вот что было со мною… Помните, какого шуму в интеллигентном обществе наделала англичанка Кэт Марсден, открывшая в Сибири среди инородцев целые поселки, зараженные проказой? Подняла она тогда на ноги всех, кто в России еще не утратил сердца; задела она за живое и мое сердчишко. И вот задумала я бросить все и ехать в Сибирь к прокаженным. Завела я переписку по этому поводу с уездным начальством того края, о котором поведала Кэт Марсден; стала получать и советы – словом, упорно готовилась принести себя в жертву ради любви Христовой. Дело мое налаживалось и уже дошло до того, что я собралась распродать свое несложное имущество, забрать кое-что из своих пожитков и ехать в далекую Сибирь. Никому, решительно никому я не говорила ни о своем намерении, ни о своей переписке, все таила в себе и поверяла только одному Богу, пред Которым изливала всю свою душу, прося Его благословить мой предстоящий подвиг. Почти накануне моих окончательных тайных сборов я зашла к близким знакомым, чтобы проститься с ними, и здесь узнала, что они с минуты на минуту ждут отца Варнаву.

— Кто это отец Варнава?- спросила я.

— Да разве вы не знаете отца Варнаву от Черниговской у Троице-Сергиевой Лавры?

Я слышала о нем кое-какие рассказы, но не придавала им значения: очень уж не любила тогда монахов. И мне было обидно, что вечер у близких для меня людей оказался испорченным. Я решила посидеть немного для приличия и удалиться восвояси; но прежде чем я успела привести свое намерение в исполнение, в передней раздался звонок и в столовую, где мы сидели за чайным столом, вошел быстрой походкой старичок-монах с наперсным крестом на груди, сопровождаемый толпой домочадцев богатого дома моих знакомых. Я отошла в сторонку, чтобы не мешать излияниям чувств домохозяев, и, пользуясь некоторой суматохой, хотела ускользнуть незаметно из дома. Но не утаилась я от отца Варнавы.

«А это у вас кто?» – спросил он хозяев, взглянув на меня. Меня представили. «Э, да какая ж ты у меня хорошая!» У меня шевельнулось в сердце враждебное чувство: и чего он у меня вдруг вздумал заискивать? Не знает меня, в первый раз видит, а называет хорошей!. Все это – монашеское ханжество и лицемерие!. А батюшка не унимался, взял меня за голову, да и говорит:

— Хорошая-то хорошая, да нехорошее думает! Пойдем-ка со мною в другую комнату да поговорим по секрету!

Я, полусознательно подчиняясь какой-то неведомой мне власти в голосе старца, смиренно пошла за ним в соседнюю гостиную. Старец затворил за собою дверь, сел на диван, усадил меня с собою рядом. «Сядь ко мне поближе!» – сказал он ласково, но с тою же властью в голосе. Я подвинулась и села с ним рядом. Опять что-то гадкое и враждебное зашевелилось в моем сердце. Старец взял мою руку в свою. Мне еще тяжелее стало на сердце, еще неприязненнее.

— Скажи мне, дочка, что ты такое задумала в своей головушке? Иль тебе здесь дела нет? Иль ты здесь совсем бесполезна и никому не нужна? Зачем, родная, ты собралась туда ехать?

Я обомлела и вне себя, ничего не чувствуя, ничего не сознавая, тихо ответила старцу, как другу, как отцу или матери родной:

— Батюшка! Там подвиг, там страдание: некому утешить, некому прийти на помощь… Всеми забыты, всеми отвержены!. Там гибнут люди, всем чужие, не нужные никому!.

— Так ли все это, дочка? А здесь, при том деле, на которое тебя привел Господь, разве нет страданий? Разве не нужно утешения, не могут разве и здесь гибнуть люди, которых тебе Господь пошлет по твоему пути? На кого ты этих-то бросишь, тебе известных? А для чего? Чтобы бежать неведомо куда, неведомо зачем, на дело, которому ты не обучалась, к людям, которых ты и языка-то не знаешь?. На твой путь, на твой крест тебе даны силы; а будут ли они тебе даны на крест самоизвольный? Гордость это, дочка, а не подвиг: не хотим незаметного, малого да определенного Богом каждому по его силам, а хватаемся за большее, да не наше… Слушай, дочка, что я, грешный иеромонах Варнава, тебе скажу: нет тебе Божьего благословения на путь туда, оставайся здесь, и здесь Господь благословит твой подвиг. А туда, если Богу нужно, пойдут другие, которых на то Господь призовет.

Я, как малый ребенок, рыдала на батюшкином плече, и легко, светло и радостно было на сердце. Всю душу обновил во мне старец. А он, благодатный, сидел около меня, гладил своею ручкой мою голову и только приговаривал:

— Так, так, дочка! Да благословит тебя Господь, да утешит, да успокоит. Так, моя родная!

Я не поехала и теперь каждый день благодарю Бога и уже верую, что между монахами есть святые, а от моего суемудрия в вере православной и следа не осталось.

♦ 17 июля - день памяти Царственных Страстотерпцев

Их прославление состоялось 20 августа 2000 года в Храме Христа Спасителя в Москве.

Враги последнего русского государя, желая его опорочить, могли упрекнуть его только в одном – в глубокой религиозности. Он был главой образцовой православной семьи и воспитывал своих детей так, чтобы они готовились к предстоящему труду и подвигу на благо России. Многие ли отцы семейств могут сказать о себе подобное? В государственных делах Николай Александрович всегда старался проявлять твердость и непоколебимость. Однако, когда он увидел, что враги русского народа поставили его в такие условия, в которых совершать по совести царское служение стало невозможно, он, не желая быть причиной раздоров и кровопролитий, передал управление страной своему младшему брату Михаилу. К сожалению, члены Временного правительства и Государственной думы сумели уговорить и Михаила отказаться от власти. Слишком велико стало на Руси заблуждение и духовное падение людей, забывших святые заповеди Христа. Государь со своей семьёй был расстрелян 17 июля 1918 года в Екатеринбурге.

Помощь Царственных Мучеников в годы гражданской войны

Казачья сотня, а вернее то, что от нее осталось, потеряла связь с войском и оказалась в окружении среди болот. Среди них был священник отец Илия. «Сегодня день памяти нашего царя-мученика. Сын его, отрок царевич Алексий, был почётным атаманом казачьих войск. Попросим их, чтобы ходатайствовали они перед Господом о спасении христолюбивого воинства казачьего», – сказал отец Илия и отслужил молебен мученику Николаю, государю Российскому. Припевом на молебне были слова: «Святые мученики Дома Романовых, молите Бога о нас».

Пела вся казачья сотня и люди, шедшие с ними в обозе. В конце молебна отец Илия прочитал отпуст: «Молитвами святого царя – мученика Николая, государя Российского, наследника его – отрока царевича Алексия, христолюбивых войск казачьих атамана, благоверныя царицы Александры и чад ея, царевен-мучениц Ольги, Татианы, Марии, Анастасии, помилует и спасёт нас, яко благ и человеколюбец».

Кое-кто возразил, что эти святые мученики еще не прославлены и чудеса от них не явлены, на что отец Илия ответил: «Вот молитвами их и выйдем… Вот и прославлены они… Сами слыхали, как народ прославил их, Божий народ. Вот и покажет нам путь святой отрок царевич Алексий… Не видите вы чудо гнева Божия на Россию за неповинную кровь их… Теперь узрите явление спасения чтущих святую память их… В житиях святых сказано, что на мощах святых мучеников без всякого прославления христиане храмы строили, лампады возжигали и молились таковым, яко предстоятелям и ходатаям…»

Казаки и обоз вышли из окружения. Шли по колено и по пояс в воде, проваливались по шею… Лошади вязли, вскакивали, опять шли. Сколько прошли, не помнят. Никто ничего не говорил. Даже лошади не ржали. И вышли. Всего их было 98 человек: 43 женщины, 14 детей, 7 раненых, 11 стариков и инвалидов, 1 священник, 22 казака. Из окрестных жителей никто не хотел верить, что прошли они этим путём. И шума перехода не слыхал неприятель.

Протопресвитер Михаил Польский

Детская страничка

Легенда о цветке папоротника

Живёт среди людей старое поверье о том, что в ночь на Рождество Иоанна Крестителя, 7 июля и только один раз в году, распускается в лесу огненный цветок папоротника. (Этот день в старину называли днём Ивана Купалы.) Тот, кто увидит волшебный цветок и сорвёт, богатством несметным завладеет, что под землёй на этом месте закопано. Потому и бродят по лесам и болотам в эту ночь в поисках волшебного цветка доверчивые простаки, надеясь без труда обрести сокровища несметные. Только забыли они, что самое ценное богатство – это доброе сердце, умная голова и умелые руки. Но напрасно ищут они цветок папоротника, так как это растение никогда не цветет.

На обратной стороне его листьев, на той, что обращена к земле, есть бугорки ржавого цвета. Учёные называют их сорусами. Когда сорусы созреют, из них начинают в огромном количестве выпадать крошечные, как пылинки, едва заметные споры. Их разносит ветер и потоки воды. Когда споры попадут в землю и прорастут, появится сначала маленькая зелёная

пластинка размером не более чем арбузное семечко. Она называется заростком. На нём тоже есть бугорки. В этих бугорках на одних заростках созревают мужские клетки, на других женские, которые потом соединяются и дают жизнь новому папоротнику. Вот как интересно устроена жизнь этого удивительного растения.

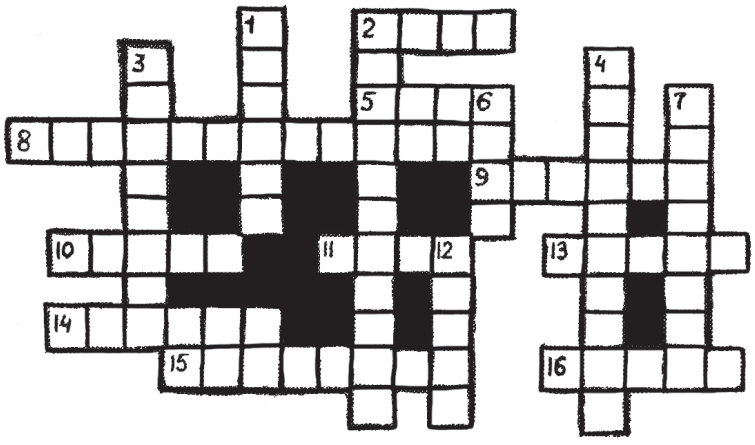
Июль – макушка лета

Июль – краса лета, серёдка цвета – так ещё называют этот месяц. Июльская работа весь год кормит. В эту пору на дворе у крестьян обычно пусто, а в огороде густо. В поле хлеба созревают, пчёлы в сотах мёд запасают.

Жаркий месяц июль, солнце в небе без огня горит. Много примет собрано у народа про погоду в этом месяце. Если утром трава сухая – к ночи жди дождя, а большая роса да туман – к ясному дню. Давно заметили старые люди, что перед сильной засухой луна слегка зеленоватой выглядит. Сама она своего цвета, конечно, не меняет, а такой нам только кажется, и связано это загадочное явление всегда с предстоящей устойчивой ясной погодой.

Месяц июль лекарственными травами богат. Они теперь силу набирают, цвести начинают. А самыми ценными из них те считаются, что на восходе солнца 7 июля собраны, когда небо сплошь облаками затянуто и роса ещё не выпала. Однако со сбором трав надо до полудня управиться, так как в сильную жару их не собирают и сено не косят. На этот случай и поговорка есть: «Коси коса, пока роса». Исстари, то есть с давних пор, называют 7 июля Ивановым днем, а ещё днём Ивана Купалы, или Иваном цветным. Знают сельские жители, что если Иванова ночь звёздная (безоблачная), то много грибов уродится в этот год, а уж коли к утру будет сильная роса, жди урожая огурцов.

КРОССВОРД



По горизонтали:

2. «Они ... как бы новую песнь пред престолом и пред четырьмя животными и старцами». 5. Животное, которому был подобен вышедший из моря зверь, имевший 7 голов. 8.«И прошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое...». 9. «И произошла на небе война: ... и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них». 10. Одежда иудейских первосвященников и царей. 11.«И в хвостах ее были ... » 13. Страшный жар. 14. Малая хлебная мера. 15. «Губитель» по-гречески. 16. «По виду своему саранча была подобна ..., приготовленным на войну».

По вертикали:

1. Река, при которой были освобождены четыре Ангела, приготовленные для уничтожения трети всех людей на земле. 2. Кто не потерпит вреда от второй смерти? 3. Камень, из которого было сложено третье основание Нового Иерусалима. 4. «И он собрал их на место, называемое по-еврейски ... ». 6. Сколько труб было дано Ангелам, стоявшим перед Богом. 7. «Тогда 24 старца и четыре животных пали и поклонились Богу, сидящему на престоле, говоря: аминь!...» 12. Последнее слово в Откровении святого апостола Иоанна Богослова.

**Кроссворд составлен по страницам Апокалипсиса святого Иоанна Богослова.*

Редакционная коллегия:
игумения Антония - настоятельница Иверского женского монастыря; монахиня Мариамна, посл. Татиана, И. Мурзинова.
По всем вопросам просим обращаться по адресу: 607060, г. Выкса Нижегородской обл., ул. Краснофлотская, 58.
Контактные телефоны: 6-08-83; 3-65-05. “Листок” сверстан и отпечатан в ООО “Полиграфист”. Заказ 1619, тираж 999